

УДК 130.2

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Е.Б. Ильинович

Статья посвящена описанию современного человека, оказавшегося перед лицом особой ситуации ситуации антропологического кризиса. В работе подчёркивается, что в подобных социокультурных условиях речь идёт не только об угрозе физическому существованию людей и планеты в целом, но и об опасности духовного вырождения.

Ключевые слова: человек, антропологический кризис, современная эпоха, культура.

Сегодня человечество переступило порог не просто нового столетия, но и тысячелетия. Этот этап нашей истории может быть назван переломным, судьбоносным, так как знаменует собой принципиально новую, сущностно характеризующую нынешнюю эпоху социокультурную ситуацию – ситуацию **антропологического кризиса**. В условиях современной техногенной цивилизации, породившей множество глубочайших противоречий, не может не проблематизироваться стратегия дальнейшего общецивилизационного развития. Находясь на распутье, у роковой черты, для поиска выхода из сложившейся кризисной ситуации, человечество с необходимостью должно осмыслить прошлое, обратиться к социокультурным истокам предыдущих столетий.

При взгляде на историю развития цивилизации за последние четыре столетия можно обнаружить, что та или иная эпоха в той или иной степени ориентировалась на отвечающую гуманистическим идеалам и имеющую антропологическое измерение константу. К примеру, в XVII и XVIII веках подобной ключевой ценностью выступал разум, в XIX веке – воля. Что же в этом смысле можно сказать о XX веке? Он принципиально отличается от предыдущих эпох. Дело в том, что во всём прошлом столетии весьма трудно выделить единый, определяющий и направляющий социокультурное развитие устойчивый ориентир. Мир предстал в виде неупорядоченного плюрализма ситуативных, противоречащих друг другу истин и ценностей. Фундаментом и вектором цивилизационного развития стали такие константы, которые были спроецированы из низменной сферы человеческого бытия: XX век предстал перед нами веком *желаний* и *потребностей*. К примеру, американский социолог Д.Белл в связи с этим подчёркивает, что нынешнее цивилизационное развитие порождает потребительский энтузиазм, провоцирует появление таких потребностей, которые невозможно удовлетворить в связи с ограниченностью энергетических и других земных ресурсов [1].

Теперь становится ясным, почему современное состояние человека в контексте природных и социокультурных реалий его существования с недавних пор начали характеризовать именно как **антропологический кризис**. Рушится сам человек, но не только как живая реальность: налицо кризис собственно человеческого в

человеке нашей эпохи – духовная составляющая. Можно с уверенностью заявить, что *сущностная* характеристика современного антропологического кризиса – **отказ от духовности**. В данной статье мы и постараемся описать современного «кризисного» человека, оказавшегося перед лицом особой ситуации - в условиях надвигающейся антропологической катастрофы.

Известно, что каждый человек соизмеряет свое поведение с какой-то нормой, идеалом, который выступает в качестве эталона. В этом смысле категории «добро» и «зло», «прекрасное» и «безобразное», «истина» и «ложь» могут быть названными ценностями, а связанные с ними убеждения людей – ценностными идеями, которые могут восприниматься как приемлемые и неприемлемые [2, с. 91]. Ценность можно назвать неким жизненным смыслом, тем, что значимо для нас, или, например, особой потребностью, предстающей перед человеком и социумом через призму оценки. Ценности задают специфику отношения к миру в целом (т.е. не только в обыденном, но и в общекультурном смысле). Можно сказать, что система ценностей выступает неким социокультурным геномом: она является фундаментом всякой культуры и играет определяющую роль в формировании культурной идентичности. Неустойчивость, трансформация идентичности является одним из основных признаков трансформирующейся культуры.

Наблюдаемое нами в современную эпоху *непостоянство идентичности* являющееся одним из *симптомов антропологического кризиса*, связано, прежде всего, с особой направленностью процессов, отражающих специфику и динамику развития современной техногенной цивилизации. Речь идёт о глобализации, протекающей по глобалистскому сценарию, способствующей унификации и нивелированию традиций локальных культур, разрушению сложившихся в их рамках систем ценностей. Этот процесс напрямую связан с феноменом *маргинальности*. Как пишет Ильин И.П., в буквальном смысле слова маргинальность означает «периферийность, “пограничность” какого-либо (политического, нравственного, духовного, мыслительного, религиозного и проч.) явления социальной жизнедеятельности человека по отношению к доминирующей тенденции своего времени или общепринятой философской или этической традиции» [3, с. 128]. В английском языке прилагательное «маргинальный» (marginal) переводится как *приграничный, находящийся на краю чего-либо, как принадлежащий частично к разным культурам, обществам или группам, но не интегрированный в них полностью*.

Так, маргинальный человек - это человек, находящийся на границе двух культур как систем определённых ценностей, норм, установок, сочетающий в себе идентичность с обеими культурами, но полностью не принадлежащий ни к одной из них. Стремясь интегрироваться в разные культуры, он лишь частично усваивает образцы их социокультурных стандартов. Иными словами, маргиналы существуют в рамках неустойчивой, ситуативной идентичности. В таких условиях система ценностей подвержена различным трансформациям. В сознании маргинала сталкиваются различные, иногда противоречащие друг другу системы ценностей. Это способствует формированию девиантного поведения, подверженности различного рода влияниям. В этом смысле можно сказать, что маргинальный

человек – это неподлинный человек, человек «между», человек «пограничный», или «кризисный».

Очевидно, что сегодня мы переживаем аксиологический кризис - время *коренной ломки вековых ценностных ориентаций*, трансформации *ценностного сознания*. В связи с этим меняется духовно-психологический климат общества и само содержание внутренней жизни каждого человека, растет нравственный релятивизм. Складывается мощная индустрия по наращиванию экзотических, даже извращенных потребностей и превращению их в главный мотив поведения и ценностных ориентаций. В целом, аксиологический кризис коснулся всех сфер жизни современного человека.

Например, на уровне *социума* это проявляется в разрушении традиционных *семейных* устоев, что, в свою очередь, способствует кризису самого института *семьи*. Отношения послушания, почитания, уважения старших вытеснены из современной жизни и заменены активным противостоянием авторитету взрослых, педагогов. Потребительское отношение к жизни, связанное с культом материального благополучия, жизненного успеха, профессионального и общественного роста привели к катастрофическому падению престижа материнства и отцовства. Изменено прежнее отношение к феномену брака как к священному, нерасторжимому, основанному на верности союзу; потеря самими родителями традиционных нравственных ориентиров препятствует подлинно духовному воспитанию детей; нарушены родовые и семейные связи между поколениями. Таким образом, традиционное понимание семейного воспитания, связанное с культивированием чувства ответственности перед семьей, обществом, нацией, государством и т.д. трансформировалось коренным образом.

Все перечисленные признаки говорят о неустойчивости семьи не только как социального института, связанного с невыполнением функций рождения и социализации детей, но и о кризисном состоянии семьи как духовно-практического микромира, характеризующегося деградацией нравственного воспитания.

Нельзя не затронуть также, и сферу образования. Проблемы в этой области заключаются в тотальной унификации знаний, появлении частных образовательных структур, не соответствующих научному уровню, коррупции. В связи с этим изменяется отношение к самому феномену обучения, что способствует падению уровня грамотности, профессионализма и общего культурного уровня подготавливаемых специалистов той или иной области.

Аксиологический кризис в политической сфере связан, прежде всего, с тем, что общие для всех законы теряют свою силу в том случае, когда речь идет об интересах господствующей политической и экономической элиты. В таком случае действует двойная мораль и двойное право: для управляющих - «своих» и управляемых - «чужих»; навязываемая западным миром глобалистская идеология ориентирована на нивелирование ценностей локальных культур, что способствует обезличиванию и унификации, даже вырождению последних в этнографическую массу – население.

Ценностные трансформации затронули и собственно *культуру* как пространство самовыявления сущностных сил человека. Это проявляется в отказе от

традиционных ценностей Истины, Добра и Красоты во многих сферах духовного производства, которое теперь представляет собой лишь выработку и трансляцию избыточной информации [4], перестаёт выполнять культуротворческую миссию (например: массовая культура, философия постмодернизма, образцы «скандала в искусстве», поставангардизм и др.).

В области науки ценностный кризис также набирает обороты. Чего только стоят такие явления, как конструирование природы живого, в т. ч. и природы человека методами геной инженерии, создание техноценозов, технологий манипулирования человеком, средств массового уничтожения и т.д.?

При описании положения современного человека в условиях антропологического кризиса нельзя оставить без внимания проблему прогресса технологий. Почему именно проблему? Речь идёт не о критике самого феномена прогрессивного развития цивилизации, а именно современной его формы, или «изнанки», обратной стороны данного процесса. Весьма показательной в этом смысле может быть следующая цитата: «...Мы добились развития техники, но мы не освободили себе время. У нас есть компьютеры, факсы, сотовые телефоны, электронная почта, автоматы, экспресс-почта, автострады, реактивные самолёты, микроволновые печи, еда быстрого приготовления, фотографии, которые делаются за один час, цифровые видеокамеры, замороженные вафли, быстрое это, и быстрое то. Но у нас меньше свободного времени, чем было тридцать лет назад. И ещё об этих мобильных телефонах. Они действительно продлевают ваше рабочее время, например, когда вы за рулём, но при этом вероятность попасть в аварию также велика, как если бы за рулём сидел откровенно пьяный водитель. И это прогресс?..» [5].

Динамическое развитие техногенной цивилизации, связанное с постепенным процессом демократизации и либерализации общественной жизни, техническим оснащением основных производственных процессов, появлением новейших технологий и самой сферы электронной коммуникации привели к формированию массового общества потребления, ориентированного на достижение комфорта. В таком обществе триединство культурных ценностей Истины, Добра и Красоты утратило свой прежний элитарный статус и сменилось ценностями вещей¹³ (и не только!), приносящих удовольствие. *Подлинная культура* как сфера самовыявления сущностных духовных характеристик человека сменилась *массовой культурой*, пронизанной «дионисийской волей к жизни», оказывающей влияние на «человека толпы». Само появление массовой культуры - неотъемлемый признак современного процесса глобализации, в рамках которого оказывается возможным создание особых условий для зарождения и существования феномена подобного рода. Она покоится на бездуховных основаниях: её фундамент – потребительство. В массовой культуре реализуется манипулятивное, субъект-объектное отношение к миру, характерное для техногенного развития в целом.

Новейшие информационные технологии в условиях процесса глобализации довольно динамично распространяются по всему миру, оказывая всё большее

¹³ В смысле обладания вещами

влияние, как на различные сферы жизни людей, так и собственно на интеллект современного человека, его мировоззренческие установки. Используя простоту доступности информации, масс-медиа стремятся сформировать у аудитории особый настрой на лёгкость жизни, не требующей никаких интеллектуальных, волевых и прочих усилий, вместе с тем ограничивая творческую, деятельную составляющую в человеке до минимума, детерминируя его сознание и поведение. В пространстве телевизионного эфира преобладают синтетические формы и образы, ориентирующие на *эмоциональное* восприятие и переживание реальности в развлекательном аспекте. Информация, требующая от зрителя работы *рационального* мышления встречается на экране крайне редко: «Телевизионное пространство в свои неперенные атрибуты органично включает кресло, диван, домашние тапочки, вечернюю еду. Нелепо смотреть телевизор за письменным столом перед раскрытой тетрадь и с пером в руке» [6, с. 34].

Таким образом, телевидение пытается «превратно разыграть антропологическую карту, апеллирует к низменной основе людей, словно нет “высот духа”, первичных нравственных начал, преодолевающих ограниченность витальных устремлений; ...телевещание отказывает зрителю в интеллектуальном развитии, принижает потенциал духовности, полагая их эпифеноменами и объявляя ненужными в мире грандиозных медиа-проектов. Нравственно-психологические ресурсы рассматриваются работниками ТВ как нечто “лишнее”, и “абсурдное”, не согласующееся современными информационными технологиями...» [7, с. 176]. В этом смысле можно с уверенностью заявить, что деятельность современных СМИ носит принципиально манипулятивный характер.

Телевидение, журналы, газеты, радио, Интернет - пытаются в значительной мере заменить собственный жизненный опыт человека набором чужих мнений, высокоразвитые технологии High-Tech погружают нас в мир виртуальной реальности, High-Hume занимают совершенствованием манипулятивных практик внедрения в глубины сознания и подсознания. Развитие информационных технологий в условиях глобализации может привести к установлению невиданного ранее тотального контроля над каждой сферой жизни и деятельности людей. Вот что писал глава компании Microsoft Билл Гейтс в статье журналу «Киберконтроль»: «Через 5-10 лет жизнь каждого человека, возможно, окажется под полным контролем государства. Прогресс компьютерной техники позволит контролировать не только ваше перемещение по виртуальным сетям, но и ваши покупки в магазинах, посещаемые вами дома, с кем вы общаетесь и о чем вы говорите» [8]. Как за рубежом, так и у нас начинает повсеместно практиковаться установление видеокамер слежения в общественных местах, пользование магнитной кредитной карточкой, мобильным телефоном, Интернетом даёт информацию о нашем местоположении. Мы становимся погружёнными не только во всеобщую сеть, созданную компьютерными технологиями, но и попадаем под глобальный информационный контроль.

Отметим также, что на сегодняшний день в условиях динамического совершенствования и глобального распространения технологий во все сферы жизни и деятельности происходит объединение электронно-цифровых информационных

сред в единое пространство – пространство виртуальной компьютерной реальности. Она представляет собой искусственную среду, аудиовизуальную реальность, в которую можно проникать и трансформировать, наблюдая при этом за изменениями и испытывая реальные ощущения.

Известно, что сами термины «виртуальность» и «виртуальная реальность» были введены Жароном Ланье, одним из первых разработчиков аппаратуры «виртуальной реальности» в середине 90-х годов XX века. С тех пор они стали одной из ключевых характеристик квазиреального мира, продуцируемого современными компьютерными технологиями. В чём специфика этой «третьей реальности»? Она заключается, прежде всего, в интерактивности: тот, кто погружается в виртуальный мир и испытывает все его воздействия оказывается способным к ответному воздействию. Более того, сетевой способ передачи информации трансформирует прежние пространственно-временные представления: пользователь вступает в аудиовизуальный диалог с компьютерной техникой в реальном времени и пространстве. Опасность подобной виртуальной коммуникации заключается в том, что, копирующая действительность информация оказывает колоссальное как прямое, так и косвенное воздействие на человека: он распознаёт в многомерном информационном потоке как в зеркале элементы своей интеллектуальной деятельности, чувственной активности, поведенческих мотивов и т.д. В подобных условиях пользователь способен модифицировать, изменить представление о самом себе, отталкиваясь от видимого собственного «виртуального отражения». Этот получивший широчайшее распространение в современную эпоху высочайших технологий феномен носит название *виртуализации человеческого Я*. Погружаясь в виртуальную реальность и отождествляя себя с виртуальными образами, человек «растворяется» в квазиреальности, где возможно всё, что угодно, а, возвращаясь в действительный мир, – фрустрирует и оказывается подверженным различным расстройствам психологического характера и т.д..

Нельзя отрицать, что коммуникационные технологии облегчают коммуникацию. Однако, они способны вследствие своей инструментальной природы её затруднять. Более того, они несут в себе угрозы структурам жизненного мира. Ведь человеческий опыт является уникальным элементом жизненного мира, который не может быть рационализирован, представлен по математическому образцу. Он, как пишет представитель теории дискурсивной этики Мейтлер-Мейбом [9] предполагает такие черты, к которым неспособен машинный интеллект, как осмысленность, обозримость, временность, способность к заблуждению и др. Виртуальное общение не может заменить подлинной, живой коммуникации. Наоборот, оно способно усилить чувство отчуждения: «Сидящие в темных комнатах перед экраном люди отчуждены от реальности и плохо взаимодействуют и понимают тех, кто также изолированно рыщет по телевизионным каналам в поисках суррогатов реального опыта» [9, с. 60]. В этом смысле и сама виртуальная реальность – искусственный, неподлинный, иллюзорный мир, не обладающий бытием самим по себе, а нуждающийся в носителе. Таким образом, виртуальная реальность создается не ею самою, а иным, внешним по отношению к ней объектом. Она наделена собственным пространством, индивидуальным временем.

специфическими законами существования и способна к активной коммуникации с другими системами, в том числе и с той, которая её породила.

Итак, всё усиливающийся неконтролируемый прогресс информационно-компьютерных технологий, ворвавшихся во все сферы жизни современного социума, способен привести к непредсказуемым последствиям. Человек, тонущий в бездне виртуального пространства экрана, пребывает в опасности незаметно для самого себя потерять собственный лик, потерять чувство подлинности и границу между реальностью и лишь маловероятной, а то и вовсе не проецируемой на действительность её моделью.

В целом же, степень, глубина, масштаб и направленность влияния технологий современной техногенной цивилизации на человека позволяет говорить о таких особых результатах их динамичного, ускоряющегося развития:

- кризис духовного измерения в человеке, связанный с актуализацией не-сущностных, низменных, примитивных, ситуативных и т.п. проявлений чувств, мышления, психики и т.д. и превращения подобных проявлений в основную, доминантную линию жизни и деятельности;
- кризис субъективности (виртуализация человеческого «Я»);
- совершенствование механизмов манипулятивного воздействия на человека как на психическом (нейрокомпьютерные разработки), психологическом (СМИ), так и биологическом уровнях (генная инженерия);
- коммерциализация культуры, «омассовление» подлинной культуры;
- экологический кризис.

Остановимся на последнем пункте и рассмотрим его подробнее. В XX столетии результаты техногенной деятельности человечества привели к возникновению неконтролируемых, зачастую, необратимых процессов и приобрели принципиально новую форму – глобальную. Они предстали в качестве общепланетарных проблем. Среди них одно из центральных мест занял мировой экологический кризис. Нет ли здесь преувеличения? Существует ряд чисто эмпирических признаков, которые позволяют говорить о кризисности экологической ситуации, сложившейся на современном этапе развития техногенной цивилизации и поставившей человечество в жёсткие условия выживания. Перечислим наиболее очевидные из них:

- разрушение озонового слоя (в результате выбросов фреона, хладона, NO, SO₂, CO, CO₂ и др. соединений) и изменение газового состава атмосферы под воздействием «парникового эффекта»;
- накопление тепла в околоземном пространстве и, как следствие, - разогрев планеты, способствующий таянию арктических ледников и повышению уровня мирового океана (общее потребление первичных энергоносителей в мире в 90-х годах было равно величине, сравнимой с энергией сейсмических процессов: сегодня все электростанции мира вырабатывают 0,05% от энергии Солнца, а если эта величина достигнет 1%, то электромагнитные нарушения будут убийственны для живого);
- увеличение частоты магнитных бурь и вспышек на Солнце;
- эрозия, опустынивание почв, снижение плодородия почвенного покрова;
- изменение состава подземных и поверхностных вод;

- изменения климата, резкие колебания температуры, перераспределение осадков, образование кислых осадков;
- сокращение природных ресурсов;
- преобразование естественных ландшафтов и сокращение площади лесов;
- уменьшение биоразнообразия планеты в связи с нарушением иерархии и равновесия в структуре экосистем (за 2000 лет истории исчезло 270 видов крупных млекопитающих и птиц, третья часть из которых — за прошлый век [пиренейский горный козел, берберский лев, японский волк, сумчатый волк и др.]);
- ухудшение здоровья представителей человеческой популяции, рост процент рождений детей с генетическими отклонениями;
- увеличение количества стихийных природных катаклизмов - наводнений, засух, пожаров, ураганов, землетрясений и т.д. (К примеру, за первую половину XX века было зафиксировано 15 землетрясений мощностью свыше 7 баллов, в результате которых погибло 740 тысяч человек, а во второй половине — 23 землетрясения, при которых погибло более миллиона человек).
- накопление неразлагаемого бытового мусора и промышленных отходов.

Несомненно, существование человечества немислимо представить без той искусственной среды, которую оно создавало и совершенствовало на протяжении всей своей истории. Как бы это банально ни звучало, но техника, технологии и различные разработки не только помогли нам выжить в суровых природных условиях, но и способствовали нашему собственному развитию. Они увеличили мобильность и преобразующие возможности человека, без них не было бы культуры. Однако сегодня в условиях всё усиливающегося техногенного развития мы подошли к некому пределу: «Рациональность, целесообразность и научная обоснованность в каждом отдельном звене человеческой деятельности в своем интегральном итоге оборачивается отрицательным эффектом всепланетарного масштаба. В данном случае человечество переходит ту грань, разрушает ту меру, выход за пределы которой вызывает непредвиденные последствия» [10, с.41]. *Мы приближаемся к так называемой «точке невозвращения», за которой ход истории станет необратимым, а всё содержание отдельных признаков антропологического кризиса сольются в единой определяющей сущностной характеристике человека как такового. Но человека может уже и не быть: мы пребываем в опасности экологической катастрофы планетарного масштаба, наступление которой несовместимо с жизнью.*

Итак, у нас есть все основания утверждать, что на сегодняшний день *человечество переживает антропологический кризис. Он коснулся фундаментальных оснований нашего бытия – жизни и экзистенции. В этом смысле речь идёт не только об угрозе физическому существованию людей и планеты в целом, но и об опасности духовного вырождения современного человека, утрате им подлинности, самости.* «...Наиболее охваченная техногенной цивилизацией евроамериканская часть человечества пребывает ныне в состоянии *неумеренного потребления и безудержного производства соблазнов*; человек превращается в бездумную «машину желаний», пестующую свою чувственность и исключительно

телесные интуиции. Излишне напоминать, что все это стало возможным при господстве принципа *вседозволенности* на базе НТП и полной бездуховности и глобальной безнравственности. Западная цивилизация практически утрачивает издревле формировавшиеся социо-культурные рычаги и механизмы сдерживания разрушительных для человека, социума, Культуры и даже Универсума в целом процессов, порожденных человеческим своеволием и безудержной техногенной «преобразовательной» активностью, и балансирует сегодня на опасной грани скорее самоуничтожения, чем прыжка в некое принципиально иное качество бытия...» [11, с. 65; с. 70]. В подобных условиях человечество должно задуматься о «...выработке новых ценностей, которые призваны обеспечить стратегию выживания и прогресса человечества. Необходим пересмотр прежнего отношения к природе, идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира, необходима выработка новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека» [12], в целом – необходим *новый тип антропологического сознания*.

Список литературы

1. Белл Д. Культурные противоречия капитализма. - СПб.: Сайт Философского факультета СПб.ГУ - /antropologia.spbu.ru/
2. А.А. Чернев. Что такое аксиология? // Философия человека: Сб. науч. трудов. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004, с. 88-111.
3. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. - Москва: ИНИОН РАН (отдел литературоведения) - INTRADA. 2001. – 384 с.
4. Панарин А.С. Философия политики. – М., 1996.- 206 с.
5. Джон де Грааф, Дэвид Ванн, Томас Х. Нейлор. Потребительство: Болезнь, угрожающая миру. - М.: Ультра. Культура. 2003.
6. Пигров К.С. Телевидение как этап в развитии виртуального пространства // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000 г. - СПб., 2000. С. 31-36.
7. Прогодяконов С.А. Политика и антропология на пересечении смыслов в сфере массовых коммуникаций // Философия человека: Сб. науч. трудов. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004, с. 174-199.
8. Цит. По: Лисичкин В., Шелеспин Л. Глобальная империя зла.- М.: «Крымский мост», 2001.- 445с.
9. См.: Mettler-Meibom В., Soziale Kosten in der Informationsgesellschaft: Überlegungen zu einer Kommunikationsökologie. - Frankfurt a.M., 1987.
10. Лазарев Ф.В. Разум и мудрость в горизонте новой культурной парадигмы. - Симферополь, 2004.- 63с.
11. В.Бычков, Л.Бычкова. XX век: предельные метаморфозы культуры // Полигнозис. 2000. № 2, С. 63-76; № 3, С. 67-85)
12. Степин В.С. Философия и образы будущего // Вопросы философии. №6. 1994. С. 81- 90.

Ильянович К.Б. Людина в умовах сучасної антропологічної кризи

Стаття присвячена опису сучасної людини, що опинилася в особливій ситуації - ситуації антропологічної кризи. У роботі підкреслюється, що в подібних соціокультурних умовах мова йде не тільки про погрозу фізичному існуванню людей і планети в цілому, але й про небезпеку духовного виродження.

Ключові слова: людина, антропологічна криза, сучасна епоха, культура.

Ilyanovich K.B. The person in the conditions of modern anthropological crisis

The article is devoted to the description of the modern person who has appeared in the face of a special situation - situations of anthropological crisis. In work it is underlined, that in similar social and cultural conditions it is a question not only of threat to physical existence of people and planets as a whole, but also about danger of spiritual degeneration.

Keywords: *the person, anthropological crisis, a modern epoch, culture.*

Поступило в редакцию 11.09.2007